ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(Материалы «круглого стола»)

15 апреля 2004 г. в РАГС при Президенте Российской Федерации состоялся «круглый стол» по проблеме «Политическая ситуация в России после выборов Государственной Думы и Президента Российской Федерации».

Организаторами «круглого стола» выступили журнал «Социологические исследования», Социологический центр РАГС и вестник «Социология власти».

В работе «круглого стола» приняли участие ведущие ученые страны, прежде всего РАГС, представители Администрации Президента РФ и средств массовой информации. Для участников были подготовлены материалы, содержащие результаты различных исследований, отражающие динамику политических настроений российского общества за последние 5 лет.

Открыли и вели заседание «круглого стола» директор Социологического центра, заведующий кафедрой социологии РАГС, главный редактор вестника «Социология власти» доктор философских наук, профессор **В.Э.Бойков** и главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор **Ж.Т.Тощенко.**

Для обсуждения были предложены следующие вопросы:

1. Какова реакция общественного мнения на итоги выборов Государственной Думы и Президента Российской Федерации и какое социально-политическое настроение в обществе сегодня доминирует?

2. Есть ли перспективы развития левых и правых партий в современной России?

3. Какой тип политического режима формируется в современной России?

4. Существует ли в настоящее время независимость средств массовой информации?

В обсуждении проблем приняли участие: **С.В.Туманов** – директор Центра социологических исследований МГУ им. М.В.Ломоносова, доктор социологических наук, профессор; **Е.И.Башкирова** – директор независимого исследовательского центра РОМИР, кандидат философских наук; **И.Г.Яковлев** – заместитель директора Института экономических стратегий, кандидат исторических наук; **В.В.Лапаева** – главный научный сотрудник Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор; **А.Б.Панкин** – главный редактор журнала «Среда»; **В.С.Пусько** – заведующий кафедрой политологии МГТУ им. Н.Э.Баумана, доктор политических наук, профессор; **П.В.Анохин** – главный редактор журнала «Власть и политики»; **А.А.Новиков** – главный редактор журнала «Наша власть: дела и лица», кандидат философских наук, доцент; **О.А.Митрошенков** – заведующий сектором Социологического центра РАГС, доктор философских наук, профессор; **В.В.Платковский** – заведующий отделом редакции журнала «Социс», кандидат философских наук; **Л.Д.Чернышова** – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РАГС; **В.И.Левашов** – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии РАГС; **В.Е.Охлопков** – докторант кафедры социологии РАГС, кандидат социологических наук.

Ниже публикуется стенограмма «круглого стола»

Бойков В.Э., *директор Социологического центра, зав. кафедрой социологии РАГС, главный редактор вестника «Социология власти»*

Уважаемые коллеги! Я благодарю участников «круглого стола» за то, что нашли возможность прийти к нам, обменяться мнениями по проблемам, которые мы считаем сегодня актуальными. «Круглый стол» проводится Социологическим центром, кафедрой социологии Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации совместно с редакцией журнала «Социологические исследования».

Мы пригласили на нашу встречу ученых, руководителей известных и авторитетных научных и научно-популярных журналов. В работе «круглого стола» участвует Бусыгин Андрей Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, первый заместитель начальника Управления Администрации Президента.

Вопросы, которые мы предложили для обсуждения, довольно активно дебатируются в средствах массовой информации. Эти вопросы, с моей точки зрения, носят ключевой характер, поскольку идет активный процесс формирования политической системы российского общества.

Результаты «круглого стола» предполагается опубликовать в журнале «Социологические исследования» и вестнике «Социология власти».

Тощенко Ж.Т., *главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент РАН*

По обсуждаемым проблемам хотелось бы высказать несколько идей.

Для начала прочту один материал и затем его немного прокомментирую. «Разъединенные, противоречивые, лишенные определенного плана и мысли действия, распоряжения правительственной власти неуклонно увеличивают общую дезорганизацию всех сторон государственной жизни. На местах все эти распоряжения вызывают чувство недоумения, раздражения, а иногда прямого возмущения и озлобления. Все распоряжения высшей власти как бы направлены к особой цели – еще более запутать тяжелое положение страны».

Несколько дней назад эту выдержку я зачитал аспирантам и спросил: «Какую страницу истории нашей страны характеризует этот текст?» Большинство посчитали, что это или последний период Горбачева, или перед уходом Ельцина, перед приходом Путина. Однако я зачитал высказывания князя Львова в октябре 1916 года, за три месяца до Февральской революции. Приводя это высказывание, я хотел бы также особо подчеркнуть, что то, что было сделано после ухода Ельцина, во многом способствовало укреплению политической и в известной мере экономической ситуации в стране.

Но я хотел бы обратить внимание на вопросы, которые представляют предмет беспокойства. Дело в том, что проблемы политического и социального неравенства, политической и социальной справедливости остаются нерешенными. Эти проблемы были и в 1990-х годах, продолжаются и в настоящее время, но ряд моментов добавляется в нынешней политической ситуации.

Прежде всего продолжает обостряться проблема, связанная с имущественным неравенством, разделением на богатых и бед-

ных. Официальные данные – 30% населения имеют доходы ниже прожиточного уровня. В программе Президента РФ этому вопросу уделено внимание. Однако неравенство не ограничивается только проблемой бедных и богатых, это только один аспект, решение которого в целом не решает проблему социальной справедливости и социального равенства в нашей стране.

И здесь возникает второй момент. Продолжает оставаться серьезной и усугубляется проблема этнического неравенства. Всмотритесь в ситуацию: 82% населения страны – русские. Как показывают исследования, в большинстве они недовольны своим положением. На этом паразитирует русский национализм. Не удовлетворены своим положением и многие представители других наций, составляющих Россию, а также и те граждане России, которые сейчас у нас объединились в виде диаспор от бывших союзных республик. Эта проблема имеет прямой выход на политическую власть. Такая ситуация провоцирует этническую напряженность и обусловлена она, в конечном счете, отсутствием вразумительной национальной политики в стране.

Третий момент – конфессиональное неравенство, оставшееся от прошлого. В политической жизни страны усиливаются теократические тенденции. То, что православие является или культурой, или верой для большинства народа, несомненно. Но ряд действий, в том числе политических, связан с нарушением Конституции РФ, в которой записано, что религиозные объединения отделены от государства. Когда Президент страны и президент Российской академии образования подписываются под требованием внедрить в наши школы православную культуру, возникает вопрос: а как быть с культурами других народов, других конфессий? Я думаю, что этим закладывается напряженность, еще один вид напряженности – в конфессиональном отношении.

Четвертый момент – ситуация, которая складывается в связи с политическим неравенством и представительством различных политических взглядов в нашей стране. Оглушительная победа «Единой России», выборы, подтвердившие правомочность В.В.Путина быть Президентом, имеют и негативную сторону, которая проявляется в том, что мы невольно идем к практике монопартизма, как в свое время, в «славный» советский период, когда ЦК КПСС, Верховный Совет в полном единодушии решали все вопросы. И сейчас политическая ситуация складывается таким образом, что правого либерального крыла практически нет, левое значительно ослаблено и находится в раздрае и

разгоне. Однако любое нормальное общество может развиваться только тогда, когда есть оппонирующие силы внутри этого общества. Не будет этих сил, мы вступим в очередной застой и в очередной провал. В этом политическом неравенстве, я думаю, складывается очень серьезная ситуация, когда люди, занимающие другую точку зрения, рассматриваются не как оппоненты – с оппонентом надо спорить, доказывать точку зрения, – а по-старому, как ревизионисты, оппортунисты или просто враги, которых надо сейчас уже не физически уничтожить, а морально, убрать с политической арены и в конечном счете ослабить интеллектуальное напряжение политической жизни страны.

Бойков В.Э.

Я приведу некоторые материалы исследований нашего центра. Хочу заметить, что представленные вниманию участников «круглого стола» данные социологических исследований – это небольшая часть имеющихся в Социологическом центре РАГС материалов. Мы раздали их вам в качестве определенной эмпирической базы для обмена мнениями. При этом понимаю, что в нашей аудитории находятся видные социологи, представляющие солидные социологические службы и обладающие собственными данными.

Обратим внимание на таблицу 1.

Таблица 1

Интенсивность проявления тревоги в массовом сознании в связи с неопределенностью будущего

(в % от количества опрошенных)

Варианты ответа	1993 г.	1998 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Очень тревожит неопределенность будущего	32,3	77,1	57,6	45,3	54,2
Немного тревожит неопределенность будущего	48,8	18,1	33,9	41,7	26,4
Не тревожит неопределенность будущего	15,0	2,6	5,1	10,5	10,8
Затруднились ответить	4,7	2,2	3,4	2,5	8,6

Как видим, уже в течение многих лет значительная часть населения находится в состоянии фрустрации. Причем в последнее время доля респондентов, испытывающих чувство тревоги, опять увеличивается. Исследования показывают, что людей беспокоит довольно много неблагоприятных факторов – рост преступности, загрязнение окружа-

ющей среды, социальная незащищенность и т. д. Но в данном случае хотелось бы обратить внимание на то, что особенно сильное беспокойство в обществе вызывают слабость государственной власти и связанная с этим политико-правовая нестабильность, а также неясность перспектив экономического развития страны. Что касается последнего обстоятельства, то без малого половина опрашиваемого населения опасается потерять нажитое, а еще около 15% респондентов заявляют, что не боятся обнищать, поскольку им уже нечего терять.

Теперь перейдем к распределению ответов опрашиваемого населения по другой проблеме. Как известно, по Конституции РФ единственным источником власти в нашей стране является народ.

Таблица 2

Считаете ли Вы, что государственная власть действует в соответствии с волей народа?

(в % от количества опрошенных)

Варианты ответа	Показатели
Да	2,4
Скорее да, чем нет	13,6
Скорее нет, чем да	42,3
Нет	33,0
Затруднились ответить	8,7

Как видите, три четверти опрошенного населения полагают, что конституционное положение по поводу участия населения во властных отношениях является декларацией, не сопряженной с действительностью. А такое отношение практически не корреспондируется с идеями становления социального государства и формирования гражданского общества.

Далее. Всех, по крайней мере мыслящих людей, интересует вопрос, по какому пути будет развиваться российское общество. Этот вопрос в свое время публично задавали М.Горбачеву. Он, помнится, с очевидным раздражением отвечал: построим такое общество, какое получится. Но такой ответ мало кого устраивает, так как, по известному выражению, «хотели сделать как лучше, а получилось как всегда». Именно по этому алгоритму развивалась перестройка в Советском Союзе и осуществлялись реформы в российском обществе на протяжении минувшего десятилетия.

Между тем народ не безучастен к тому, как разрешится проблема выбора пути развития экономики и политической системы в России. В настоящее время этот путь определяют политические

верхи, а суть нового устройства операционализируется понятиями «либерализм» и «демократия».

В средствах массовой информации на этот счет нередко выражаются сомнения, идем ли мы по этому пути. К чему же склоняется население, мнение которого игнорировать не следует? Обратимся к некоторым данным опроса, проведенного в декабре 2003 г.

Таблица 3

Отношение населения к перспективе развития российского общества

(в % от количества опрошенных)

Варианты ответа	Полностью и скорее согласны	Скорее не согласны и полностью против	Не ответили
Следовало бы развивать новые подходы к социалистическому обществу	58,4	40,9	0,7
Следует развивать капиталистическую рыночную экономику и соответствующее ей российское общество	40,7	58,8	0,5

В качестве дополнения к табличным данным замечу, что против частной собственности почти никто не выступает. Но в то же время социалистическая ориентация проявляется в массовом сознании достаточно отчетливо. Правда, общественное мнение по этому поводу весьма неоднородно. Среди владельцев предприятий, у которых работают по найму свыше 100 человек, за капиталистическую рыночную экономику ратуют без малого 100% опрошенных, а среди владельцев предприятий, на которых заняты по найму до 10 человек, доля сторонников безусловно капиталистического пути развития в два раза меньше. Но ясного ответа на сегодняшний день, куда идет наше общество, каким оно станет, к сожалению, нет. И это тоже является источником тревоги.

Я, как и Ж.Т.Тощенко, считаю принципиально важной проблему вызревания новых конфликтных ситуаций в современном российском обществе. Как известно, в настоящее время мало проявлений открытых социальных протестов, если, конечно не иметь в виду кризис в Чечне и напряженную ситуацию в Кавказском регионе в целом. Однако от всплесков социального напряжения наше общество не гарантировано.

В связи с этим хочу обратиться еще к одной таблице, отражающей данные общероссийского опроса, проведенного Социологическим центром РАГС в декабре 2003 г.

Таблица 4

Оценки остроты конфликтов в российском обществе

(в % от количества опрошенных)

Субъекты конфликтов	Очень острые	Острые	Не очень острые	Их нет	Трудно сказать
Между мужчинами и женщинами	4,4	13,8	46,6	17,3	17,9
Между молодыми и пожилыми	8,2	30,9	44,3	7,7	8,9
Между верхами и низами в обществе	**21,7**	**40,6**	**22,9**	**3,3**	**11,5**
Между богатыми и бедными	**27,6**	**40,6**	**19,8**	**4,2**	**7,8**
Между предпринимателями и наемными работниками	11,0	28,5	37,8	5,7	17,0
Между чиновниками и населением	**22,5**	**39,2**	**25,7**	**2,5**	**10,1**
Между столицами (Москва, Санкт-Петербург) и периферией страны (провинцией)	11,9	22,0	26,1	9,6	30,4
Между людьми разных национальностей	**25,5**	**39,1**	**20,7**	**4,2**	**10,5**

Данные социологического опроса подтверждают мысль, высказанную Ж.Т.Тощенко, об актуальности проблем социальных взаимоотношений, связанных с делением общества на богатых и бедных, а также с полиэтничностью населения. Но, обратим внимание, большинство опрошенного населения неблагоприятно оценивает отношения между верхами и низами, между чиновниками и «простыми» людьми. Это очень острые проблемы, которые пока мало заботят и ученых, и органы государственной власти. Справедливости ради надо отметить, что административная реформа предполагает решение многих вопросов в плане взаимоотношений бюрократии (в хорошем смысле слова) и «простыми» людьми.

И по поводу СМИ. Я не специалист в области изучения массовых коммуникаций. Но в исследованиях Социологического центра РАГС мы нередко просим респондентов оценить журналистов, которые естественно и обоснованно настаивают на обеспечении свободы СМИ. Полученные нами результаты в этом плане весьма любопытны.

Не берусь судить о том, насколько справедливы оценки общественного мнения. Но эти и многие другие факты наводят на мысль, что сам журналистский корпус в целом не вполне готов к

Таблица 5

Стереотипы восприятия современных российских журналистов
(в % от количества опрошенных в 2002 г.)

Наемные работники своих хозяев	44,5
Люди, удовлетворяющие личные интересы и амбиции	17,2
Творческая элита	10,9
Подлинные борцы за истину и справедливость	10,7
Защитники государственных интересов	10,6

реализации идеи свободы. Речь, естественно, идет о политических свободах, а не свободе журналистского произвола.

Туманов С.В., *директор Центра социологических исследований МГУ им. М.В.Ломоносова*

Есть ли перспектива развития левых и правых партий в современной России? Если бы я с этой постановкой вопроса столкнулся в отделении политологии Московского университета, я бы удивился и сказал: «А почему нет?». Но здесь Академия госслужбы при Президенте РФ, люди, так сказать, ближе к реальному источнику власти. Может быть, к этому глаголу прилагается та модальность, которая широко распространена в немецком языке: позволительно ли левым и правым партиям иметь историческую перспективу? В этой шутке, к сожалению, только доля шутки.

После выборов на одном из заседаний такого же «круглого стола» В.Рыжков и И.Хакамада всерьез спрашивали: «А кто, собственно, наш электорат?» Мне такие вопросы задавали и некоторые руководители левых партий. Дело здесь не в том, что лидеры не профессиональны. Я считаю, что Владимир Рыжков – один из наиболее профессиональных политиков у нас сегодня. Дело не в том, что они не знакомы с теми исследованиями по структуре электората, которые были проведены, многие из них хорошие. Они знают не только о границах правого электората, но и о границах внутри этого правого электората. Проблема в другом. Зная свой электорат, абсолютное большинство российских партий позиционируют себя как партии общенародные. Иначе правые должны были бы честно признать, что

они партия 10-процентного взрослого населения страны – как максимум. Следовательно, в ближайшие годы претендовать на политическую власть в стране или хотя бы на появление ориентиров этой власти им не стоит. Нужно даже не защищать, а выражать интересы своих избирателей, пропагандировать их ценности.

Левые же партии должны были бы признать, что они сегодня партии социальных аутсайдеров и по определению не могут претендовать на власть в стране, потому что никогда еще в истории интересы социальных аутсайдеров не совпадали с интересами перспективного развития страны.

А «Единая Россия» должна была бы сказать, что она вообще не партия, а структура, созданная благодаря некоему набору политтехнологий. В лучшем случае это организация, выражающая интересы российской бюрократии. Нет ничего удивительного, что как ни строят, все время «получается КПСС», потому что КПСС на последнем своем этапе была партией российской бюрократии. А сегодня усилиями правых из КПРФ остатки российской бюрократии почти выдавили, вот она и объединилась в то, что называется «Единой Россией».

Если все так, тогда, с точки зрения здравого смысла, почему бы кому-то не взять на себя ответственность и правильным образом не выстроить партийную политическую структуру в стране? Резонно, если бы не исторический опыт, который у нас на памяти. Ленин в свое время убедительно доказал, что грех упускать такую уникальную историческую ситуацию и ею не воспользоваться. Воспользовались. Сейчас не очень ясно – чего больше: побед или поражений?

В начале 1990-х гг. Гайдар, Шахрай и другие наши российские либералы взяли на себя ответственность за то, чтобы все выстроить по-другому. Сейчас стали говорить об ошибках, даже речь заходит о покаяниях. Но вопрос в том: какая это ошибка – конкретных людей или системная ошибка? Нужно ли в XXI веке стремиться ко всей полноте, монополии политической власти? Можно ли в современном обществе избежать фатальных ошибок, если нет серьезной оппозиции? Этих вопросов как бы не существует. Люди, выстраивая новую политическую систему, похоже, не задумываются об этом, хотя разговоров много. Все говорят: конечно, нужна политическая оппозиция. Не можем мы двигаться вперед без гражданского общества. Даже Гражданский форум провели. Очень порадовали пожилых правозащитников. Потом случились выборы. Опять принцип политической целесообраз-

ности является определяющим. Мы опять все выстраиваем в соответствии с какими-то конкретными интересами, не очень задумываясь над тем, что они вступают потом в противоречие с интересами более фундаментальными.

Относительно независимости СМИ. По большому счету, вопрос не в том независимы средства массовой информации или не независимы. У нас был уникальный исторический период в конце 80-х годов, когда собственник средств массовой информации – государство – перестало их контролировать и продолжало финансировать. Возник такой временной лаг из нескольких лет, когда наши СМИ были так свободны, как они нигде, никогда свободны не были. Что в результате? Что сегодня с нашими СМИ?

Проблема даже не в том, на что эти годы были потрачены, не в том, что СМИ, отдельные журналисты преследуют свои собственные, корпоративные, политические цели. Главное, что за этот период свободы не было создано механизма саморегулирования, самоорганизации. Не сложилось работающего общепринятого кодекса поведения журналистов, СМИ в целом. Не сложилась авторитетная, действенная корпоративная организация, которая могла бы грамотно разрешать неизбежные конфликты между СМИ и обществом, СМИ и государством. Вот самое главное. Сегодня вопрос в том: делается ли что-нибудь для того, чтобы возник фундамент стабильной, хотя бы пусть и относительной, независимости СМИ и свободы?

Я не вижу осмысленной политики в этом направлении.

Два слова о тех наших стереотипах, которые, как мне кажется, нам здорово помогают. С одной стороны, налицо удивительное понимание соотношения реального социального явления и того эталона, с которым мы сравниваем. Мы много говорим, что наши СМИ несвободны, несамостоятельны, соотнося это с тем представлением о свободе СМИ, которая вроде бы реально существовала, но существовать и не должна бы. В этом смысле вторая проблема – это проблема восприятия этого эталона. То есть мы это состояние считаем эталоном. А с чего бы? Вещь-то, вообще говоря, исторически уникальная и совсем не имеющая никакого отношения к нормальному положению дел в современном обществе. Отсюда и в некотором смысле и отношение к свободе слова как таковой. Мы воспринимаем эту ценность как священную корову, порой даже не пытаясь рационально осмыслить, что стоит за этим термином в конкретных условиях нашей жизни. По большому

счету основная масса людей заинтересована не в свободе слова. Она заинтересована в свободе действий для реализации своих интересов. Это для нас – пишущей братии – свобода слова совпадает практически со свободой действий. Но свободу действий ни одно современное общество никому гарантировать не может. С какой стати оно должно гарантировать свободу действий для девочки, которая называет себя журналисткой, но озабочена только своими интересами, своими какими-то преимуществами? Почитайте книжку Трегубовой, думаю, что все достаточно понятно.

Свобода слова – безусловная общецивилизационная ценность, когда речь идет о том, что обеспечивается нормальное функционирование общества. Но за этим бесспорным тезисом скрывается масса конкретных жизненных ситуаций, когда возникает вопрос: а конкретные СМИ, конкретная публикация направлены на что – на то, чтобы общество нормально функционировало, или в совершенно другую сторону? Государство говорит, что оно знает ответ на этот вопрос и может эту ситуацию регулировать. У нас есть веские основания сомневаться в этом. Поскольку имеем большой исторический опыт. Ответ, который предлагают журналисты и корпоративные представители, тоже неадекватный. Они хотят, чтобы все, что делают журналисты, подпадало под презумпцию свободы слова. С какой стати? Что, у нашего журналистского общества за спиной годы такой беззаветной борьбы за народное благо и авторитет в обществе в связи с этим? Тоже нет.

Что собой представляют СМИ и как к ним относятся, тоже понятно. Я посмотрел сейчас у Е.И.Башкировой – 5–8% доверяют СМИ. В прошлом году было чуть больше, по нашим данным. Но если сравнить с тем, что было в конце 80-х – начале 90-х, это земля и небо. Со СМИ все понятно. Непонятна ситуация с политикой.

Тощенко Ж.Т.

Как вы считаете, надо ли разделять идеи (правые, левые, социалистические, либеральные) и их организационное оформление? Может быть, они независимы друг от друга?

Туманов С.В.

Я, честно говоря, вообще постарался бы уйти от терминов «левые» и «правые». Мне кажется, что они давно уже мало что отражают. Что касается либеральной, социалистической, социально ориентирован-

ной идеи, понятно, что эти идеи в России, очевидно, имеют перспективу, если исходить из каких-то исторических процессов.

Тощенко Ж.Т.

А почему тогда нет организационного оформления этих идей, или есть слабое организационное оформление, на ваш взгляд?

Туманов С.В.

Оно есть все-таки, как мне кажется. С правыми ситуация, как мне кажется, не такая уж непонятная. У нас либерализм существовал и пока существует, хотя уже сильно трансформируется, в своих крайних формах. Во многом это последствия той социальной системы, которая была. Этот крайний индивидуализм очень мешал правым организационно объединяться, и сейчас мешает, но уже куда меньше, чем раньше.

Что касается левых партий, то, если смотреть кадровую сторону дела, там есть по-настоящему сильные личности, но в массе своей это все-таки люди, которые не нашли себе места в этой новой жизни. Те из людей, которые работали в партийных структурах и смогли себя найти, сегодня в другом месте. Скажем, секретарь Московского горкома Александр Куваев, многие его, наверное, знают и по райкому комсомола, и райкому партии, не лидер он, и никогда им не был. Случилось так, как случилось.

Мне кажется, что левые сегодня получили теоретический хаос, который остался еще от КПСС. Мы уже тогда плохо осмысливали процессы, происходившие в нашем обществе, а сегодня в рамках КПРФ они осмысливаются еще хуже. Кстати, и сами руководители партии это понимают.

Башкирова Е.И., *директор Независимого исследовательского центра РОМИР, кандидат философских наук*

В общественном мнении сейчас – и накануне, и после выборов – есть две тенденции. Первая – это момент стабильности. Те люди, которые голосовали за «Единую Россию» и даже за другие партии, включая и КПРФ, неплохо себя чувствуют. Большинство из них по-прежнему, даже сторонники коммунистов, высоко оценивают Путина. Этот уровень доверия остается довольно стабильным и превышает 70 с небольшим процентов. Согласно нашим опросам, 59–60% людей в общем удовлетворены своей

жизнью. Я не могу сказать, что есть очень большое социальное напряжение.

В теоретическом плане это напряжение существуют, мы это знаем. Но народ в общем не бунтует. Хотя много было критических замечаний, особенно со стороны тех, кто не голосовал за «Единую Россию» и за В.В.Путина, в адрес лично Президента. Наши качественные исследования выявили достаточно много упреков (в количественных исследования это не показывают, все усредняется на цифрах). Однако никаких революционных мыслей не наблюдается. По-прежнему остаются среди проблем, которые надо в первую очередь решать, все те же экономические проблемы: развитие российской экономики – 45%, рост цен, инфляция, повышение благосостояния, безработица, жилищно-коммунальные проблемы, борьба с коррупцией, проблемы здравоохранения, уменьшение влияния олигархов на власть и т. д., около 15 этих проблем. Ничего нового, судя по динамике, которая у нас есть больше чем за 10 лет, нет.

В заслугу В.В.Путину ставится решение проблемы с задержкой выплаты зарплат и пенсий – 31%; развитие российской экономики – 26%; дальше ситуация в Чечне, борьба с коррупцией чиновников, уменьшение влияния олигархов на власть, борьба с терроризмом, создание условий для развития частного бизнеса и т. д. Наименее решенными проблемами называется загрязнение окружающей среды – 1%, проблема здравоохранения, борьба с организованной преступностью, жилищно-коммунальные и развитие социальной помощи населению, остальные все посередине. Но я хочу напомнить, что это общественное мнение. Оно недостаточно информировано по многим проблемам. Его оценки – скорее виртуальный образ, реакция на то, что сделано.

Эта тенденция превалирует в обществе. Она показывает, что есть около 50–60%, по некоторым аспектам 70% людей, которых в целом беспокоит ряд проблем, но они не готовы каким-то образом бороться, составлять какую-либо альтернативу или оппозицию.

И есть вторая тенденция. Существует хорошо известное на Западе понятие «political party citation», то есть «политическое участие». По нашим данным, в России его уровень очень низок, если сравнить с Европой. Имеется в виду, как люди себя проявляют, выходят ли они на демонстрации, стачки, пикеты и т. д., пишут ли

они письма. Мы сравниваем ценности, электоральное поведение, берем 50–70 стран, такого низкого уровня трудно, как говорится, трудно сыскать. Трудно ожидать чего-то экстраординарного, люди сейчас готовы опять впасть «в спячку»: выборы прошли, все вроде неплохо, макроэкономические процессы идут так, что почти в нашу пользу, экономические показатели выросли. Президент в публичных выступлениях демонстрирует ту готовность, которую от него ожидают, а ожидают от него того, на чем он прошел так блистательно первый раз на выборах – заботы о людях, решения проблем. Эти проблемы муссируются, реформы обсуждаются, и создается впечатление, что многое делается.

Например, народ хочет, чтобы прежде всего шли реформы в области экономики, на втором месте очень больной вопрос – реформа ЖКХ, дальше – здравоохранение, социальное обеспечение, армия, пенсионная реформа, образование, налоговая.

Эта одна часть населения. Но есть другая часть, те, кто голосовал за «Яблоко» и за СПС. Здесь ситуация другая. Я бы поделила на две части этих людей. Их очень мало, и первая часть безумно разочарована в правых. Они практически ушли (в партиях не состояли), во всяком случае, не хотят больше ничего. Они как бы порывают с этим движением, настолько высок уровень разочарования. Качественные исследования демонстрируют очень резкие высказывания, много критики. Но критикуют не идею, а лидеров. Респонденты говорят, что все сделано не так, обзывают их ворами, которые решали свои личные проблемы, т. е. люди полны разочарования. Эти люди не вступили в какую-нибудь другую партию, в «Единую Россию», они просто стали потерянной частью для общества, полностью разочарованные.

Вторая часть собирается с силами, вербально провозглашает идею объединения. Наконец-то они сообразили! Сколько мы им говорили, сколько писали! Я бы не согласилась с тем, что правые хорошо знают свой электорат, особенно СПС. Они его совершенно не знали и не хотели знать, это одна из причин провала на выборах.

Многие из этой части правой элиты считают, что выборы были сфальсифицированы. Это мнение поддерживается тем, что по данным «экзит пул» (их было три), они точно проходили. «Экзит пул», как мы знаем, более точный инструмент, чем опросы накануне выборов.

Сегодня было объявлено о создании новой структуры на правом фланге. Здесь звучал вопрос: почему организационно правые и левые не создают какие-то организационные формы? Как раз они создают. Но, на мой взгляд, это вообще излишняя форма, потому что форм и так достаточно много, они не эффективны. Сегодня правые объединились в клуб «Демократическая альтернатива», в котором уже Е.Киселев обозначился, и многие другие либеральные лидеры. Перспектива у либерального движения есть, оно будет медленно развиваться. Но нужно ли это народу, понимает и поддерживает ли он это? Мне кажется, нет. У нас тоже много таких данных, которые есть в Социологическом центре РАГС, что очень значимыми остаются патерналистские умонастроения.

Тощенко Ж.Т.

Елена Ивановна, произошли какие-то серьезные изменения политической ситуации или все-таки продолжается то, что и осенью было, и в прошлом году? Я имею в виду политическую ситуацию, настроения людей?

Башкирова Е.И.

Я считаю, что общественное мнение очень не информировано и не должно оно быть информировано о том, о чем знает элита или люди, здесь присутствующие. В общественном мнении, я думаю, произошло очень мало сдвигов. Эти сдвиги произошли только в людях, которые поддерживали правые демократические идеи. Произошла поляризация, одни разочаровались и ушли, и сказали: все, здесь невозможно ничего хорошего; другие все-таки опять собирают силы для нового рывка. Насколько это будет эффективно? Я не думаю, что это будет очень эффективно. Организационных структур много – Клуб «99», теперь «2008», много организаций, однако ничего толком не вышло.

Что касается внутренней политики, мне кажется, изменения произошли, они происходить будут, и смена Правительства – это смена почти что режима, и новое Правительство, и административная реформа.

Если продолжить то, о чем говорил С.В.Туманов в отношении СМИ, там, по-моему, уже происходят изменения. Мы о многом еще официально не услышали, но перемены большие. Мне ка-

жется, сейчас просто будут скуплены многие СМИ. Многие СМИ станут частными.

Кроме того, сейчас стремительно развиваются технологии, скоро невозможно вообще будет контролировать эти СМИ. Сейчас говорят про каналы – государственный канал, негосударственный. Но скоро эти понятия вообще не будут иметь смысла, потому что аудитория получает возможность просто выбирать себе передачи. С помощью специального устройства мы сможем брать из Америки какой-нибудь канал, любой европейский канал. Поэтому здесь, мне кажется, можно подождать, и СМИ сама собой эта свобода будет дана.

Яковлев И.Г., *заместитель директора Института экономических стратегий, кандидат исторических наук*

Мне хотелось бы коснуться вопроса, который связан с тем, насколько работает классическая модель, описывающая лево-правый континуум в рамках российской политической системы.

В качестве иллюстрации воспользуюсь результатами некоторых наших исследований, которые осуществляются Институтом экономических стратегий в содружестве с фирмой «Контент-Пресс». Начну с работы, посвященной моделированию политической системы Казахстана. Ее результаты показательны не только для этой дружественной страны, но и для российской политической реальности, а также для ряда других стран СНГ.

Недавно к нам обратились представители Казахстана с просьбой изучить и смоделировать политическую систему этой страны. Мы воспользовались исследовательским инструментарием, который ориентирован на содержательный анализ политических платформ и публичных выступлений политических лидеров.

Суть этого метода проста. На стратегической матрице представлены две семантические шкалы, по которым производились замеры конкретных выдержек из текстов программных документов. На первой шкале показаны взаимоотношения государства и общества. Здесь мы видим плавно переходящие друг в друга от одной крайности к другой антонимичные понятия: «анархизм» как отрицание роли государства в жизни общества, «либерализм», «этатизм» (государственничество) и, наконец, «авторитаризм» как самая жесткая и консолидированная форма. На второй шкале показано отношение партий к степени вмешательства го-

сударства в экономику: свободный рынок без вмешательства государства, рыночная экономика с малым вмешательством, регулируемая экономика, планово-распределительная экономика социалистического типа.

На этой основе был проанализирован большой массив политических документов. В результате получилась любопытная вещь. В целом основные партии, которые представлены так называемой «Семьей» (в Казахстане, как и в России, есть своя «Семья») – партии Отан, Аксар, Ак Жол – реализуют те функции, которые у нас свойственны «Единой России». Кроме того, есть компартия, которая выражает авторитарно-коммунистические идеи и поддерживает принципы планово-распределительной экономики.

Есть также Гражданская партия, которая реализует в рамках своей политической платформы и публичных выступлений их лидеров те взгляды, которые носят двойственный характер. С одной стороны, это межгосударственные интересы, выраженные капиталом самых различных представителей СНГ, с другой стороны, это внутриказахстанские политические интересы. По этой причине эта партия выступает за либерализацию рынка при условии консолидации режима, вплоть до его авторитарных форм.

Особое место в политической системе Казахстана занимают партии, отражающие интересы сельского населения: партия Ауыл и Аграрная партия. Первая представляет собой типично левую крестьянскую партию, по своим политическим параметрам вполне соответствующую компартии.

Иное положение со второй, Аграрной партией, представляющей интересы землевладельцев. Если посмотреть на то, что они провозглашают в своих публичных выступлениях их лидеров, то выяснится, что никаких четких формулировок, по которым можно было бы идентифицировать партию как, например, левую или правую в терминах лево-правого континуума или в рамках либерально-консервативного континуума как либеральную или консервативную, вообще нет. В текстах фигурируют следующие формулировки: «Приоритеты должны выбираться, исходя не из противопоставления социализма капитализму, а из многообразных исторических, этнических, социальных и культурных, а также иных потребностей общества, адекватных уровню его экономического потенциала». То есть фактически можно сказать, что это «всеобщая партия всего». В случае необходимости она

может занять ровно ту позицию, которая необходима в данных конкретных исторических условиях. Если мы попытаемся как-то критиковать эту партию (заметим, что в Казахстане точно так же, как и в России, программа политических партий регистрируется в Минюсте), то мы этого сделать не сможем, потому что любое сказанное ею слово будет чистой правдой. Они могут одновременно говорить о том, что они и за авторитаризм, и за анархизм, они могут заявлять одновременно и о свой приверженности теократии и об атеизме, т. е. вообще о чем угодно.

Тут как раз и возникает парадоксальная ситуация, с которой нам приходится сталкиваться в процессе анализа политических программ и публичных выступлений современных российских политиков. Здесь в целом часто встречаются приблизительно аналогичные вещи. Партия имеет тем большие преимущества, чем расплывчатее ее политическая платформа.

Задаю риторический вопрос: у кого самая короткая политическая программа? У победоносной партии «Единая Россия». Это 1,5 страницы текста. Самая длинная стостраничная – у проигравшей партии Г.Явлинского, программа совсем не глупая, надо отдать ей должное. Однако в рамках описываемого исследования размер программных документов в учет не принимался, поскольку из них выбирались конкретные высказывания, касающиеся того или иного интересующего нас предмета.

Положение дел в России можно проиллюстрировать на том анализе, который был сделан в связи с отношением российской политической партии к природной ренте и характеру налогообложения. Анализ, проведенный по методике «Контент-Пресс», описанной в журнале «Экономические стратегии» №5 за 2003 г., дал сходные результаты.

В данном случае семантические шкалы, которые использовались в этом анализе, несколько иные. Здесь отношение к превалирующей форме собственности в порядке ослабления участия государства: только государственная собственность, доминирующая государственная собственность, государственные – только добывающие отрасли стратегического характера, огосударствление только неэффективных частных предприятий, на основе частной собственности. Вторая шкала выражает отношение к характеру налогообложения тоже в порядке ослабления слева направо: все сверхдоходы – в бюджет, дополнительный налог на не-

дропользователей, оптимальный единый налог на основе ренты, налог в виде фиксированной доли, и, наконец, налог как с обычных производителей, т. е. равные условия для всех.

И вот какая выстраивается здесь диспозиция – Народно-патриотический союз «Родина», КПРФ, «Союз правых сил» как антагонист КПРФ в данном случае. Заметим, что совершенно не обязательно, что подобного рода антагонизм может быть во всем. Например, когда проводилось измерение отношения политических партий к наркотикам и к наркоторговцам, позиции КПРФ и «Союза правых сил» совпали, но были отмечены существенные расхождения с позицией «Либерально-демократической партии».

На основе этого анализа могут делаться обобщения. В данном случае они носят такой характер. «Родина», КПРФ условно – «коллективисты-государственники». «Единая Россия» и «Союз правых сил» – «либеральные индивидуалисты». Отдельно стоящее «Яблоко», которое выступает за передачу всех сверхдоходов в бюджет, но за построение экономики на основе частной собственности, имеет эклектичную позицию «индивидуалистов-этатистов».

Довольно часто заявления политиков не соответствуют программным установкам их партий. В рассматриваемом примере «Единая Россия» близка к «Союзу правых сил». Удивительно, но конкретные высказывания лидеров могут в корне расходиться с политической позицией, заявленной в политической платформе партии: лидер «единороссов» предполагал, что все минеральные ресурсы могут находиться в прямом управлении государства, в отличие от позиции, четко выраженной в программе возглавляемой им партии.

Иными словами, ситуация складывается таким образом, что в процессе борьбы за власть на территории СНГ происходит выхолащивание политических программ и публичных выступлений лидеров партий, стремящихся к власти. Расплывчатость платформы становится ресурсом, позволяющим осуществлять маневрирование в ходе дискуссий. В этой связи для идентификации партий в современном политическом спектре упрощенного левоправого подхода уже не достаточно. Практика политической борьбы показывает необходимость использования многомерных моделей, более адекватно отражающих политическую реальность и позволяющих «ловить за язык» лавирующих политиков.

Тощенко Ж.Т.

Одно дело, когда партии о себе заявляют. А, с другой стороны, возникает проблема известности этих партий. По вашим данным, как?

Яковлев И.Г.

Подобного рода анализ осуществляется не по двум, а по четырем параметрам. В данном случае мы измеряем популярность партий, их известность в информационном смысле, наличие у них материального, финансово-экономического, а также административного ресурса. Это интересный вопрос. Часто происходит перетекание одного ресурса в другой. Но существует общая тенденция: если у партии возникает доминирование в одном из ресурсов, сразу заметно начинают вырастать и другие. Однако в данном случае речь идет скорее об известности, чем о росте популярности. Если партия располагает серьезным административным ресурсом, то он часто связан с наличием серьезных финансово-экономических возможностей.

Речь в данном случае идет не о самоидентификации, а о том, как видятся со стороны платформы политических партий и публичные выступления политических лидеров. Для наших заказчиков важно, насколько соответствуют друг другу официальные программы конкурирующих партий и заявления их лидеров, т. е. насколько последние правдивы перед избирателями.

Лапаева В.В., *главный научный сотрудник Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор*

После парламентских и президентских выборов в политической системе страны произошли принципиальные изменения. Если мы посмотрим основной вектор развития политической системы за последние 10–12 лет, то это вектор такой – от административно-командной системы, основанной на монополии КПСС, к правовому государству с присущим ему разделением властей, к политическому плюрализму с характерной для него политической конкуренцией и к многопартийности, основным признаком которой является вовсе не множественность партий, как любят иногда говорить, а наличие реальной политической оппозиции. Таков вектор, по которому мы двигались. Если одним словом обозначить основное направление, то можно сказать, что шел процесс демонополизации политической жизни.

Однако в какой-то момент образовался некий противовес этому в целом верному движению страны. До поры до времени он не менял общего направления движения, в частности, до президентских и парламентских выборов. После них произошло, на мой взгляд, такое количественное наращивание монополизации, которое привело ситуацию в качественно иное состояние, т. е. процесс повернулся вспять. Сейчас мы движемся от того, к чему ушли – к монопольному положению одной партии. То есть процесс пошел вспять.

Почему это произошло? Я коротко остановлюсь на причинах той политической деформации, которую мы сейчас наблюдаем.

На мой взгляд, исходным моментом, который привел к этому противоходу, была приватизация. Причем не сама по себе, а та ее модель, которая была избрана властью. Назовем ее, мягко говоря, номенклатурной, дело не в ярлыках, которые можно наклеить на этот процесс. Дело в том, что по сути своей эта приватизация была неправовой. Не в том смысле, что она нарушала действующее на тот момент законодательство, а в том, что само законодательство не было правовым, т. е. оно не соответствовало сути права как формы свободы в общественной жизни и как формальному равенству.

Этот неправовой характер приватизации население, если и не понимает различия права и закона, как, например, особо продвинутые юристы, ориентирующиеся на современный тип правопонимания, то хорошо чувствует. Поскольку власть не создала легитимной формы собственности, на этой основе не могло вырасти легитимное общественное устройство.

Поэтому для того, чтобы проводить эти реформы, а главное – удержать свою собственность, которая перешла уже в частный режим функционирования, власть вынуждена была создать из чиновников так называемые партии власти. Это не какие-то политтехнологические махинации, ухищрения, это объективная необходимость, иначе процесс застопорился бы. И были созданы эти партии власти. Не сразу получилось. Сначала казалось, что все это не будет иметь серьезных последствий, что это не удастся, одна, другая разрушились. Но нет, в конце концов добились, возникла «Единая Россия».

Где-то в преддверии 1999 г. власть договорилась с теми партиями, которые имели фракции в парламенте, о разделе политического пространства. Не думаю, что был какой-то сговор, скорее

было молчаливое согласие на то, что власть обеспечивает этим партиям коллективную монополию, т. е. ограждает их от политических конкурентов, а они, в свою очередь, соглашаются на участие чиновников во власти.

Следующий шаг – принятие Закона о партиях, совершенно драконовского по отношению ко всем политическим конкурентам и содержащего целый ряд существенных преференций для так называемых парламентских партий. На выборах 1999 г. началось массированное участие, хотя и раньше шло, но не так выразительно, чиновников высшего ранга в партстроительстве и выборах. Это осуществлялось (об этом как-то невнятно говорят) не просто вразрез с конституционными принципами разделения властей, а прямо с нарушениями действующего на данный момент законодательства. Удивленному обществу говорили, что это лидеры партии, а не их члены, в то время как у нас Федеральный закон о правительстве запрещает членам правительства быть руководителями общественных объединений, тем более политических партий.

Я уж не говорю о других законах: об основах госслужбы, где был принцип непартийности госслужащих, и т. д. Налицо прямое нарушение Закона о Правительстве. Об этом никто не говорил, я даже не могу понять этого. Этот процесс шел. Причем ссылались и до сих пор ссылаются на то, что это принято и в западных демократиях, что там тоже министры – члены партии. Однако это совершенно разные модели. У нас чиновники, которые пришли во власть без поддержки общества, создают партию для того, чтобы влиять на законодательную власть. Но это совсем не то, когда на Западе партия приходит во власть посредством выборов, а потом уже своих выдвиженцев двигает в исполнительную власть. Это принципиально разные модели, не говоря о массе других различий. В каждом конкретном случае можно о них говорить.

Что произошло дальше? Закон о партиях, запрет на региональные партии – это просто антиконституционный запрет. Я это неоднократно обосновывала в своих публикациях, однако никто на них не реагирует. Совершенно непомерная планка численности для партии, неадекватное состояние политического структурирования общества, которое у нас есть; целый ряд преференций для парламентских партий. По такой же схеме было принято избирательное законодательство. Причем и в том и в другом случае мак-

симально использовался президентский ресурс, потому что и не только избирательный закон, но и Закон о партиях разрабатывал ЦИК, а вносил Президент. В общем, этот процесс шел по накатанной колее. Привел он, как здесь было сказано, к оглушительной победе партии «Единая Россия».

Как пойдет процесс дальше? Здесь С.В.Туманов обращался к власти с риторическим вопросом: неужели она не понимает, что в XXI веке нельзя стремиться к монополии одной власти и вообще руководить страной, не имея реальной оппозиции? Да власть в других терминах оценивает ситуацию. Сейчас задача, которая стоит перед «Единой Россией» (ее очень спешат решить просто беззастенчиво и откровенно), заключается в том, чтобы за оставшиеся несколько лет, пока можно использовать ресурс В.Путина, укрепить себя во власти. И это делается сейчас. Даже нынешняя ситуация их не устраивает, потому что при всем, казалось бы, благополучном для «Единой России» положении дел еще сохраняется возможность некоторой политической конкуренции. А они не хотят рисковать, поэтому совершенно беззастенчиво «продавили» конституционное большинство в парламенте.

Всего «Единая Россия» набрала менее половины голосов и по списку, и в округах. Конституционное большинство было получено использованием регламентных норм. В частности, одно из первых решений по регламенту, которое приняла новая Дума, состояло в том, что планку в 35 человек для создания депутатских объединений, куда могли войти независимые депутаты, подняли до 55, таким образом, полностью лишив их возможности как-то объединяться. Какими еще способами обеспечили переход в «Единую Россию» депутатов и независимых и, что очень важно, депутатов, избранных при поддержке других партий, я не берусь судить.

Бойков В.Э.

Проигрыш правых партий «Яблоко» и СПС – это благо или зло? У нас партийное строительство, как и реформы, сверху продвигается. «Единая Россия» и эти партии тоже были построены фактически сверху, они не выросли снизу как партии. Может быть, их проигрыш научит чему-то, может быть, в этом благо? Или все-таки зло? Зло в том смысле, что правый фланг просто исчез с политической сцены?

Лапаева В.В.

Я вообще не считаю злом ни потерю правого фланга, какой был у нас, ни ослабление левого, который был, потому что представители ни того, ни другого флангов не отвечают на главный для общества вопрос: как быть с неправомерной приватизацией. Правые – А.Чубайс, Г.Явлинский – сказали по поводу приватизации: что с возу упало, то пропало, это их позиция. Есть своя модель у В.Путина: там, где было по закону, это хорошо, вроде соглашаемся, а что не по закону, пересматриваем. Но это тоже не дает легитимации. То, что дают левые, лично меня не устраивает.

Единственно, кто сейчас всерьез озабочен этой проблемой, это олигархи, как ни странно, они что-то серьезное и общественно значимое на этот счет говорят. Ни левые, ни правые модели не предлагают.

Кого мне действительно жалко, это вообще вытоптанных поступью монопольной партии власти тех ростков партий, которые могли бы вырасти, если бы это пространство не было бы все так заасфальтировано, как сейчас. Могли вырасти партии, которые бы на этот главный вопрос ответили и дали выход из ситуации.

Анохин П.В.*, главный редактор журнала «Власть и политики»*

На выборах, которые прошли, риторика по социальной проблематике, патриотическая была очень сильная. А если учесть национальные вопросы, что русские себя чувствуют несколько ущемленно, на будущих выборах насколько правомочно и объективно будет создание партий не с националистической, но с национальной риторикой? Если будут партии, которые будут выступать, например, «за русский дух», «за русских людей»?

Лапаева В.В.

В Законе о партиях введен запрет на создание партий по национальному признаку, это правильно, я сама много писала о том, что это нужно сделать. Но под видом борьбы с этими националистическими тенденциями запретили партии в регионах, что совершенно неверно. А националистический колер для партий в нашей ситуации – это разжигание национальной розни.

Анохин П.В.
Но мы говорим сегодня, что русский народ тоже ущемлен.

Лапаева В.В.
Русский народ ущемлен, татарский, башкирский народы тоже будут считать, что ущемлены. Знаете, начнется такая борьба этих ущемленных амбиций, что лучше не надо. Сфера политики должна объединять общество, это правильный запрет, по закону нельзя образовывать такие партии.

Панкин А.Б.*, главный редактор журнала «Среда»*
Я отношусь к числу безоговорочных оптимистов, которые считают, что все в нашей стране складывается к лучшему. Я исхожу из того, что динамика перехода от тоталитаризма к развитой демократии имеет свои этапы, каждый из них неизбежен и их надо пройти.

Я считаю, что голосование за Б.Ельцина как за Президента в июне 1991 г. – это было голосование за управляемую демократию. На него смотрели не как на демократа в том представлении, как оно сложилось у узкой прослойки городской интеллигенции, на него смотрели как на мужика с громким голосом, с сильной рукой, который положит конец горбачевской мягкотелости, либерализму, с одной стороны, а, с другой стороны, не даст вернуться к коммунизму. Это был в чистом виде мандат на переход от тоталитаризма к управляемой демократии. Б.Ельцин с этим мандатом не справился, мы перескочили вперед. Я считаю, что все его правление можно вычеркивать из истории, потому что это было настолько огромное забегание вперед, что вообще ничего не останется. Это действительно был конец истории. И приход к власти В.Путина в марте 2000 г. – это возврат истории к июню 1991 г.

В июне 1991 г. уже практически все было можно, вопрос стоял только о том, чтобы общество само развивалось и структурировалось. Я прекрасно занимался частным бизнесом, был одним из людей, которые без всякой санкции создали Товарно-сырьевую биржу для военно-промышленных предприятий. Куда только ни стучались: и в ЦК, и в военно-промышленные комиссии, везде секреты, никто нам не помогал. Тогда мы в феврале 1991 г. просто сняли на частные деньги в здании СЭВ конференц-зал и устроили там частную, ни с кем не согласованную выставку по космосу.

Приехали фирмы, иностранцы. Демократы где-то воевали против наступающей реакции, а мы делали то, что хотели. Про свободу слова того времени я тоже не говорю, частное телевидение все в России началось в 1990–1991 гг., частное информационное агентство «Постфактум» начало работать с 1986 г. В общем, живи и радуйся, забудь, что там делают наверху, потому что ничего хорошего от них быть не может, просто спокойно расширяй вокруг себя пространство.

Сейчас мы пришли к такому же этапу. В самом деле, я что хочу, то и делаю. Издаю журнал, печатаюсь, хочу – в широкой прессе, хочу – в узкой, хочу – ругаю В.Путина, хочу – не ругаю. Когда ругаю, это довольно больно обычно получается. Но мне никто не мешает, никто на меня не давит. На телевидение я не лезу, потому что это «ихнее» телевидение, и Бог с ними, я и без него обойдусь. Бизнесом тоже можно заниматься более или менее нормально.

А вот то, что происходит, имеет значение только с точки зрения структурирования общества, которое все-таки идет внизу, усложняется и т. д. Это связано с абстрактными метафизическими понятиями типа «мандата неба». Сейчас у нас все хорошо, как было в 1991 г., когда все также было хорошо, но демократы зачем-то воевали с номенклатурой, хотя ни те, ни другие друг другу по большому счету не мешали. Поэтому наступали такие события, как августовский путч.

Нынешняя власть для печати сделала гораздо больше, чем другая любая власть за предыдущее время. Растет рынок, рекламировать можно, теперь это входит в себестоимость продукции, раньше реклама шла только из прибыли. Пожалуйста, создавайте продукт, за который граждане не пожалеют выкладывать деньги, продавайте, есть все экономические условия для этого. Больше ничего не нужно. Телевидение, действительно, это медленный процесс, но, как правильно сказала Е.И.Башкирова, он просто сам собой «рассосется», уже сейчас все могут включить другой канал, если не хочешь смотреть государственное телевидение. Даже на официальных каналах есть EuroNews. Так что все движется.

Тощенко Ж.Т.

Я так понимаю, что все складывается к лучшему? Есть некоторые недостатки, среди которых и тот, что народ непонятливый, не оценивает такие позитивные изменения?

Панкин А.Б.
Я не говорю, что он непонятливый, народ нормальный, даже активный. Это и есть создание гражданского общества.

Яковлев И.Г.
У меня тесть – морской человек, моряк, любит говорить в таких случаях следующее: спокойно, без крена и дифферента, на ровном киле идем ко дну. Сегодня у вас нет проблем с вашим изданием, но давайте соберемся через год.

Панкин А.Б.
Ну так я его закрою, какие проблемы. Одна проблема, что оно может разориться, других я просто не предвижу.

Бойков В.Э.
Я должен добавить к этому, что мне приходилось исследовать ситуацию со СМИ в регионах. Знаете, вестник «Социология власти», где я главный редактор, никто не душит, я что хочу, то и пишу. Он входит в перечень ВАК, он научный журнал, тираж 500 экземпляров, он когда-то и вырастет до массовых тиражей, я очень хочу. Но как только действительно громкий голос какой-то газеты, так сразу этот голос и губернатор может посадить, и администрация может посадить, разными способами – и налогами, и проверками, и прокуратуру напустить и т. д.

Панкин А.Б.
Где нормальная бухгалтерия, там никакой губернатор ничего не сделает, это многократно проверено.

Туманов С.В.
В конце 80-х было все хорошо, сейчас тоже все хорошо. Не кажется вам, что мы пойдем на следующий цикл? И у нас все время будет так хорошо, что больше уже ничего и не будет?

Панкин А.Б.
Это то, чего я боюсь. Вместо того чтобы жить да радоваться и спокойно не думать о больших вещах, а обустраивать демократическое, рыночное пространство, в меру своих сил, вокруг себя, мы опять начнем решать какие-то грандиозные вопросы и слишком

будем озабочены, понимаете ли, монопольным положением этой самой России.

Левашов В.И.

А если мы с вами будем заниматься своим прямым обустройством, не получится так, что устроят в очередной раз что-нибудь такое, из-за чего мы с вами опять будем через некоторое время заниматься тем же самым?

Панкин А.Б.

Партии и правительства, которые всем довольны, никакого зла не делают, у них все в порядке, они тихо загнивают, разваливаются, как коммунисты. Кому коммунисты были нужны уже в 1988–1989 гг.? Их все время подталкивали, давайте отменим шестую статью в Конституции, которая тоже никому уже не мешала, коммунистам было приятно, что у них есть шестая статья, они были уверены, что она работает. А к ним все время прибегали и подталкивали.

Пусько В.С., *заведующий кафедрой политологии МГТУ им. Баумана*

Мне приходится работать с аудиторией несколько другой, нежели моим коллегам в РАГС. У нас в Университете молодежная аудитория, достаточно многочисленная – 20 тыс. студентов. Я работаю с 3,5 тыс. 2 и 3 курсов. Это люди, которые уже начинают принимать некоторое, пока незначительное, участие в политической жизни. Им интересно знать, в какой стране они живут. А нам тем более интересно, потому что мы понимаем, что со временем это те люди, которые будут творить нашу историю – 18–20-летние юноши и девушки. Это специфический контингент технического вуза, где господствует агрессивное техническое знание. Они не признают идеологических штампов, они все математики, физики, сопроматчики, химики и т. д. У них это все в крови и тут их ничем не перешибешь.

Я политологию читаю, курс небольшой – 102 часа, но для технического вуза это вполне прилично. Этого достаточно, чтобы мы могли молодых ребят чему-то научить. Каждый год в конце курса политологии мы задаем вопросы или распространяем анкеты, конечно, без какого-то серьезного обобщения, это не специальные социологические исследования. Но интерес определенный есть. Там

4–5 вопросов, простеньких, к примеру: «Ходили ли Вы на выборы (когда Думу выбирали в декабре)?». Оказалось, 40% не ходили. Опрос анонимный, фамилии никто не ставит. Это 19–20-летние люди, они уже имеют право ходить на выборы.

Или: «Собираетесь ли участвовать в выборах Президента страны?». Там есть пункт «свободный ответ», они и отвечают: нам более интересна предвыборная кампания, а не сами выборы. Почему? Потому что на этой кампании они могут заработать деньги, расклеивая листовки, собирая подписи. У них прагматический подход, они умеют хорошо считать.

Еще вопрос: «Довольны ли Вы тем, что избран Президент В.Путин?». Отвечают: нам все равно, у нас ничего не изменится. Это реальные ответы. Мы им формулируем наводящие ответы, а они пишут свое, совершенно непредвиденное.

Эта инфантильность в отношении к общественному, политическому устройству настораживает. На шестом курсе, где мы уже не работаем, они вообще отключены от гуманитарных, социальных, экономических дисциплин, чисто профессиональная подготовка идет, диплом пишут и т. д. Когда мы с шестым курсом встречаемся (иногда ректорат нас заставляет в общежития идти и т. д., но нам и самим интересно), они говорят: в этом государстве жить не будем, потому что тут нельзя устроится на работу, нельзя заработать, нет жилья. Здесь приводили данные, экономика развалена, проблемы с ЖКХ, зарплаты нет и т. д., они это видят и говорят: нас приглашают иностранные фирмы, там есть работа, нам будут хорошо платить, есть перспектива. Такова наша будущая инженерно-техническая интеллигенция.

Это серьезный симптом. Кафедра у меня 26 человек. Я на каждом заседании говорю: давайте разворачивать все-таки студентов к нашей действительности. А как развернуть, сказать сложно.

Может, среди молодежи, студентов надо проводить более основательные исследования – структурированные, аргументированные, по специальной методике, чтобы иметь более серьезное представление о том, кто нас сменит и кто будет поднимать страну с колен.

Бойков В.Э.

Здесь неоднократно звучала мысль, что население будто бы спит, не реагирует, инертно. Социально-политическая ситуация,

я не говорю о верхушке, стабильна. О перестройке тоже говорили, что это огромный бак холодной воды, куда опущен маленький кипятильник, который бурлит и ни на что не влияет. Однако в итоге поменялось очень многое. Сейчас спит население. Мы ежегодно задаем такой вопрос: намерены ли вы уехать из России? Постоянная тенденция: до 32% населения не хотят жить в стране. Это говорит об изменении сознания и настроения?

Мы задаем вопрос: «Участие в выборах Ваша гражданская обязанность или нет?». Большинство говорит: гражданская обязанность. «А можете ли Вы своим участием повлиять на положение дел в стране, регионе, городе и т. д.?». Абсолютное большинство говорит: «Нет».

Но когда были первые выборы в начале 90-х годов, тогда более половины населения говорили: что да, они повлияют, альтернативные выборы и т. д. То есть идут какие-то процессы.

Анохин П.В.

Полтора года назад была встреча В.Путина с журналистами. Речь шла о свободе СМИ. Он там сказал следующее: «Без экономической самостоятельности СМИ невозможно реализовать конституционное право граждан на получение достоверной информации». Речь шла об индустриализации СМИ. Если говорить дальше, то получается, что приватизация СМИ – это не только печально, но и опасно для страны. Мы видели все информационные войны, которые шли то между Березовским и Гусинским, то между Березовским и Кремлем. Если говорить о свободе прессы, что раньше были какие-то идеологические центры, которые давали установки, то сейчас таких центров нет. Можно говорить, что мы стали независимые. Но если говорить, что сейчас вся пресса не то что раскупается, а по сути уже раскуплена, и нет ни одного издания, которое было бы в какой-то мере свободным, то тогда и свободу эту определяют уже эти клановые, корпоративные интересы.

Сегодня деньги, часто теневые, слишком много значат. Теневые доллары определяют не просто дискуссионные статьи, но и кого «замочить». Наши СМИ во многом превратились в орудие сведения счетов. Но если мы говорим о каких-то интересах, то СМИ уже и не СМИ, а средства какой-то пропаганды, пиара, отражающего те или иные групповые интересы.

Мы рассуждаем о свободе, но многие статьи начинаются с такой фразы: «Похоже, мы никогда не узнаем правду». Какие же это СМИ, если мы никогда не узнаем правду?! Сейчас многие и не пишут этой правды, но каким-то образом общество узнает то, о чем не пишут. Это очень интересный феномен.

У нас очевиден информационный разрыв. Есть региональные СМИ, есть федеральные. Получается, что по сути нет изданий, которые бы страну объединяли идеологией или какой-то национальной целью, идеей. Это приводит к тому, что люди теряют интерес и к СМИ. Мы говорим о тиражах. Но они тоже часто надутые. А у людей появляется равнодушие.

Приватизация, рынок привели к тому, что нет серьезной прессы, которая бы формировала вкусы нации, какую-либо идеологию, нравственность. «Комсомольская правда» умудрилась одновременно написать о премьере М.Фрадкове и о каких-то половых группах. Читаешь рекламу – везде какой-то пошлый подтекст: все за копейки. Таких много, это не просто один случай. Идет умышленная политика. Когда-то было информационное противоборство, и наши информационные противники боролись с нашими взглядами, нравственными ценностями в своих СМИ. Сейчас уже в России наши журналисты пишут, какая плохая Россия, какая неперспективная страна. То есть развивают комплекс национальной неполноценности.

Все это привело к тому, что наша пресса несвободна и не будет свободной, пока не будет экономически самостоятельной.

Новиков А.А., *главный редактор журнала «Наша власть: дела и лица»*

Здесь говорили о взаимосвязи центра и регионов. В этой области нас ждут очень серьезные реформы, которые пока мало кто осознал. Если внимательно почитать несколько последних решений правительства, то мы увидим намерение взять из региональных бюджетов 5–6% налога на прибыль, стремление перенести в регионы реформу ЖКХ, хотя подается это правительственными кругами совершенно по-другому. В результате уровень обеспеченности региональных бюджетов становится все более проблемным. Это первый вопрос.

Второй вопрос связан с реформой местного самоуправления. С 1 января 2006 г. мы все вступим в реформу местного само-

управления. Вы не предполагаете, что там будет твориться. Это межбюджетные согласования, межбюджетные решения и т. д.

Недавно мне довелось побывать на закрытом семинаре в «Александр-хаусе», где вообще СМИ не было. Приехали люди из Германии, из Франции, которые консультируют М.Козака. Выступал начальник управления межбюджетных отношений Минфина г-н Лавров. Я послушал внимательно и понял, что все очень непросто. Несмотря на то что есть комментарий к местному самоуправлению, есть рекомендации Центра фискальной политики при Минфине, все очень тревожно. Особенно если учесть высокий уровень дотационности наших регионов, то, что, допустим, в Ростовской области 55 районов являются дотационными, не говоря о Центральной России, где 80–90, а есть за 95. Алтайский край, где выбрали губернатором актера-юмориста, тоже из той серии.

Мы здесь пока не подняли одну важнейшую проблему: какова же наша политическая элита, что о ней говорят СМИ? В обществе не говорят о том, что идет новая волна нашей элиты, ее сменяемость. Насколько она государственна? Насколько патриотична? Насколько ее практическая деятельность соответствует национальным интересам страны? Насколько адекватно она себя ведет, если иметь в виду наши преобразования и реформы, за пределами нашей страны?

Наш журнал – журнал политической и деловой элиты, мы достаточно плотно общаемся с нею. Накануне выборов было несколько серьезных семинаров в Институте философии РАН. Уровень притязаний представителей нашей интеллектуальной мысли был весьма высок по отношению к действующему Президенту. Очень высок. Практически, если провести градацию, 10 против, 1–2 – за. Это есть уровень притязаний по смыслу, а не по содержанию проводимых преобразований в стране.

Насколько элита, прежде всего политическая, способна реально осуществить реформы – административную, еще 8 реформ, включая местного самоуправления? Социологи, наверное, проводят такие исследования. Хотелось бы познакомиться с анализом сознания политической элиты.

На мой взгляд, доминирующими социально-психологическими характеристиками поведения нашей властвующей элиты являются равнодушие, сдержанность, аполитичность и самое

главное – высокий уровень притязаний на участие в политике. «Единая Россия», которую назвали удачно «Единогласной Россией», четко говорит о высоком уровне притязаний в политике. Особенность в том, что, с одной стороны, политика тех, кто во власти, становится менее публичной, она больше сконцентрирована в руках Кремля. С другой стороны, политика становится доходным делом чиновничества во всех проявлениях, людей в правоохранительных, судебных органах. Примерами наша печать насыщена вполне.

Уровень надежд населения, общественного мнения, широкого массового сознания был очень высоким. Таких социальных ожиданий позитивных, как об этом многие, кому по регионам приходится ездить, в прессе говорили, таких высокого уровня надежд не было. У 60–70% людей очень высокие надежды были на преобразования, которые будут после выборов Президента. Сейчас люди относятся очень сдержанно, совершенно четкое выжидание. Я не говорю о том, что мы все по звонку работаем. Если реформа в Кремле, то реформа идет в полпредствах, в регионах, автоматически сокращают.

И тут возникает очень важный вопрос: есть ли у нас предпосылки политические, социальные, я не беру экономические, для устойчивого созидания, перспективного развития страны, обеспечения реальной политической стабильности?

Митрошенков О.А., *зав. сектором Социологического центра РАГС*

По теме «круглого стола» я хотел бы три вопроса затронуть.

Первый вопрос – признаки небеспредельности влияния «Единой России» и административного ресурса. Вы знаете, что после выборов в Госдуму и Президента РФ состоялись выборы губернаторов в трех регионах – Архангельской, Рязанской областях и Алтайском крае. Везде «Единая Россия» «дружно» и неожиданно для себя проиграла. Видимо, не в последнюю очередь благодаря протестному голосованию населения, а в Алтайском крае это произошло даже, несмотря на спешно организованную встречу бывшего губернатора с Президентом РФ В.Путиным.

На мой взгляд, это говорит о следующем. Во-первых, административный ресурс не беспределен и не всесилен. Население учится на прежних избирательных кампаниях и сегодня не так наивно,

как раньше, и не склонно так уж безоглядно доверять власти. Оно может и «прокатить». Другой вопрос, конечно, в пользу кого?

И второй вывод: довольно быстро обозначается, как мне кажется, лимит доверия к «Единой России». Население не склонно совершенно безнадежно ждать годами улучшения. Либо люди берут дело в свои руки, либо они спустя три месяца, сегодня, уже после выборов Госдумы, готовы спросить представителей «Единой России». Тем более она к этому должна уже приготовиться, видимо, спустя четыре года, когда наступят новые выборы. Если вы помните, тогда, перед выборами, проблему ответственности представители «Единой России» очень активно поднимали. Я думаю, что через четыре года эта проблема ответственности встанет, видимо, совсем другой гранью. Она будет означать спрос населения и его готовность применить санкции по отношению к власти, в данном случае, к представляющей ее партии.

Здесь немало социологов, они знают, что не только поддержка партии в ходе социологического опроса, но даже само голосование за нее не означает идентификации с этой партией. Здесь разные приводились цифры, мне попалась такая цифра, что это свойственно только где-то примерно 20–25% голосующих за нее, хотя здесь звучала цифра и около 8–9%. Поэтому фактор партийной приверженности имеет ограниченное влияние и отражается на поведении не более чем четверти избирателей. Кроме того, эта приверженность достаточно ситуативна и для многих избирателей она просто неустойчива. В любой момент она может вообще смениться другим влиянием и, соответственно, это коренным образом отразится на положении партии.

И третий вывод, который здесь напрашивается, если иметь в виду небезграничность административного ресурса. Не следует забывать, что около 30% участвовавших в голосовании голосовали вообще-то не за Путина. Если учесть, что такие люди нашлись бы и среди тех, кто вообще не пришел на выборы, то «не за Путина» оказывается еще больше граждан и, по некоторым подсчетам, это около 50% населения. Это есть один из индикаторов не уменьшающегося отчуждения населения от власти и некоторого снижения кредита доверия уже самому Президенту, здесь тоже приводили соответствующие цифры.

Губернаторские выборы, о которых шла речь, вполне вписываются в этот вывод.

Второй вопрос – это снижение напряжения публичной политической власти. Сегодня в России в сложившемся контексте нет оппозиционных лидеров, способных составить конкуренцию Президенту – что называется, «настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». И реальной публичной политики тоже нет, поскольку нет реальных партий. Они, за исключением КПРФ, есть квази-партии, псевдо-партии. Партия «Единая Россия» как партия власти создана для поддержки решений исполнительной власти, это очевидно. Потому интересы избирателей она, в лучшем случае, держит на втором плане. Партии власти уже были – НДР, ДВР, и опасение разделить судьбу НДР («Наш дом – Россия») заставляет «Единую Россию» сейчас голосовать, исходя из интересов институциональной целесообразности, а не избирателей. Понятно, что это в конечном счете не благоприятствует развитию политической жизни.

Сегодня в стране, и здесь это уже прозвучало, практически отсутствует политическая дискуссия. Затихли споры о гражданском обществе, о среднем классе, о природе российского либерализма. Собственно, либерализм как бы сам пока сошел с дистанции. Я не думаю, что это окончательная ситуация, однако затихли споры даже о месте олигархов в нашем обществе. То, о чем говорят, носит ситуативный характер. Кремль достаточно закрыт. Даже письмо М.Ходорковского не вызвало особого интереса. И вряд ли такой интерес вызовет его второе письмо.

Практически нет диалога власти с бизнесом. Даже Президент В.Путин вынужден был высказаться в связи с таким затишьем и заявил, что монополия «Единой России» в Госдуме не означает, что не должно быть различных мнений и позиций. Это понятно, он просто, видимо, ощущением Президента понимает, что трудно в такой ситуации вырабатывать новые идеи, еще труднее выращивать лидеров и оппозицию, поэтому это очень чреватая ситуация.

И, наконец, последний, третий вопрос – о характере политического режима. Общую политическую линию Президента можно по-разному оценивать, но, наверное, в каком-то отношении она может быть охарактеризована как свобода от элит. Это означает дистанцирование от влиятельных групп интересов и формализацию отношений с ними. Для этого создавались новые структуры и реанимировались старые, вроде Госсовета и РСПП,

Совета по предпринимательству при премьер-министре. Компромисс и договоренность состояли в том, что Кремль отвечает за политические решения, а руководители регионов и бизнеса отказываются от политических амбиций и должны концентрироваться на локальных и производственных задачах. В целом это удалось, поскольку переговорный процесс между группами интересов и государством институциализирован, отношения государства с региональной и бизнес-элитой больше подчиняются общим правилам, которые позволяют государству контролировать элиту.

Но дело в том, что эта вертикаль сосуществует с довольно сложным механизмом согласования внутриэлитных договоренностей. На самом деле, например, мы не узнаем, о чем разговаривал Президент с Наздратенко и Яковлевым, но после этих разговоров они ушли в отставку и получили новые назначения. Это как раз и есть неформальные договоренности.

Тем не менее при всем этом элиты сегодня располагают достаточным ресурсом, что вынуждает Кремль считаться с ними. Например, в системе регионального управления у региональных элит имеются механизмы, которые позволяют не вступать в открытое противостояние, но в общем тормозить или спускать на тормозах указания центра. У руководителей бизнеса здесь есть вообще рычаги – от перевода капитала за границу до отъезда за границу самим.

Поэтому система взаимодействия федеральной власти с группами интересов становится все более сложной. Это, конечно, не либеральный компромисс времен Ельцина, который давал максимальную свободу действий, потому что тогда центр был совершенно слаб. Но это пока еще и не есть жесткая моноцентричная власть, модель власти, о которой говорят как о факте. Это не так, потому что государство сегодня недостаточно сильно, чтобы заставить элитные группы, которые располагают ресурсной базой, беспрекословно выполнять приказы, которые поступают из Кремля. Поэтому режим, который сегодня сложился, можно было бы определить как контролируемый плюрализм. Этот термин получил некое хождение и он означает, что в обществе сохраняется некий плюрализм, как говорят политологи, социальных акторов. Однако это не совсем субъекты, поскольку эти акторы, эти агенты утрачивают субъектность в широком политическом смыс-

ле потому, что действуют в определенном коридоре ограничений, которые задаются федеральной властью.

В этой ситуации, несомненно, снижается потенциал и самостоятельных общественных институтов, а демократические процедуры заменяются бюрократическими. Но вероятность реализации демократических вариантов остается. В контексте крайней незрелости гражданского общества, неразвитости социальных институтов и партийной системы многое будет зависеть от субъективной политической воли Президента.

Лапаева В.В.

Хотелось бы возразить. Олег Александрович Митрошенков несколько оптимистично характеризует ситуацию термином «плюрализм». Во-первых, плюрализм предполагает наличие реальной конкуренции, реальной оппозиции. То, что сейчас выстраивается, это не плюрализм, даже и контролируемый, это монополизм. Во-вторых, вы слишком, мне кажется, оптимистично рассчитываете, что через четыре года «Единая Россия» перед кем-то ответит. За эти четыре года они очень хорошо поработают, они профессионалы в том, как удержать власть – это их профессия, они очень профессионально работают. До меня дошла информация, что они уже ходили к Президенту, чтобы повысить порог прохождения в Думу, сейчас 7% сделано, на следующих выборах, не 5%, как было, а хотят повысить до 12%. Представляете, что это такое? И сейчас они делают «дочернее предприятие» из своих рядов – так называемую парламентскую оппозицию. Они эту оппозицию представят обществу через четыре года, и общество будет выбирать между ними или их оппозицией, вот и все, весь выбор, весь «плюрализм контролируемый».

Митрошенков О.А.

Во-первых, термин условный.

Во-вторых, концепт «ответственности» медленно, но все же наполняется реальным содержанием. Системы политической ответственности нет, да и другой тоже, это верно. Но когда избиратели «прокатили» СПС и «Яблоко», разве это не спрос? Разве это не ответственность, которую эти партии прочувствовали «на своей шкуре»? Это уже одна из форм ответственности, хотя и не единственная. По-моему, тезис о небеспредельности администра-

тивного ресурса власти наталкивает на мысль о не таком уж безоблачном будущем «Единой России». Вы же сами, Валентина Викторовна, говорили о схожести ее с КПСС. Чем закончила КПСС, всем известно, в том числе лидерам и функционерам «Единой России». Если им хочется того же, это их дело. Вы правы в том, что подобное «дежа-вю» совершенно не нужно ни стране, ни народу. И 12-процентный барьер на выборах, и «карманная оппозиция», несомненно, станут тормозом на пути органичного развития политической жизни в стране.

Тощенко Ж.Т.

Я хотел бы высказать и реплику, и предложение. Здесь прозвучали многие интересные идеи, мы их обязательно отразим на страницах журнала «Социс», как и в вестнике «Социология власти». Я лично пометил себе ряд очень интересных вопросов, и я бы пригласил как выступающих, так и желающих выступить на страницах нашего академического журнала. У нас рубрика «Политическая социология» весьма обстоятельна и постоянно представлена на страницах журнала.

Я хотел бы обратить внимание на два момента.

Здесь прозвучал момент, который мне как исследователю и как гражданину очень не нравится. Момент, когда народ рассматривается как быдло: его надо учить, воспитывать, поскольку он вечно ошибается. Я уверен, что даже когда народ ошибается, он все равно не ошибается, он отражает какие-то реальные тенденции. Я работал с директорами предприятий: нравится или не нравится, но они обязаны считаться с тем, о чем люди думают. Другое дело, что в процессе этой работы люди могут изменить свои взгляды. Но их игнорировать ни в коей мере нельзя. Традиция от старого: народ можно обманывать только часть времени, можно часть народа обманывать, можно по некоторым проблемам, но нельзя все время заниматься этим и наверху и на других уровнях социальной организации.

Вторая реплика. Мне не нравится термин «элита», хотя он вошел в политическую и научную лексику. Если кто имеет власть и деньги, значит, уже элита? Лишится – перестал быть элитой? Я даже встречал такую терминологию, что есть даже криминальная элита. Назови его жуликом, он обидится, а на термин «криминальная элита» вполне согласится. Есть же термины «истеблиш-

мент», «сильные мира сего», «политический класс», «лидеры», «руководители», которые отражают реальность. Это надо использовать, а не доходить до криминальной элиты.

Платковский В.В., *член редколлегии, заведующий отделом журнала «Социс»*

Сегодня прозвучала мысль, что и сами выборы, и предвыборная кампания 2003–2004 гг. были крайне скучны и крайне неинтересны, а политологи, политтехнологи пытались всячески повысить интерес к себе. Я считаю, что для социологов здесь есть масса вопросов относительно перспектив развития демократии, но на них сейчас нет ответа, и вот почему.

Здесь говорилось, что «строили многопартийность» и т. д. Да нет у нас никакой многопартийности в принципе. Посмотрите: уровень доверия партии не превышал 25% во все годы. Были чрезвычайные политические ситуации, когда происходила автоматическая политическая мобилизация электората. Это 1993-й, 1995 гг. Тогда муссировался образ врага в лице фашистов, коммунистов. Действительно, электорат подогревался этой интригой и шел голосовать, голосовал не за кого-то, а против кого-то. Это зафиксировано в политических исследованиях на протяжении всех 1990-х гг. А сейчас нет этого. Сейчас возникла первый раз проблема – как людей затащить на выборы. Потому что им неинтересно. Правильно здесь сказали, что надо прислушаться к молодежи. Действительно, им это неинтересно.

Что ожидает многопартийность? С.В.Туманов правильно сказал, что понятия «левые» и «правые» лишаются смысла. Если смотреть на идейные политические позиции, то они не дифференцированы. Эклектика везде. В зависимости от выстраивания спонсоров, связей с бизнес-элитами возникают какие-то партийные политические маневры и в Думе, и везде. Так что нашу многопартийность ожидает, вероятно, кризис. Всегда в период правления КПСС партийность у нас развивалась посредством кризисов. Кризис, как правило, смывал большую часть партийных образований.

Сейчас тоже вроде бы складываются контуры такого кризиса, когда правые, левые потерпели существенное фиаско в лице СПС и КПРФ и поделились с «Родиной». Я уж не говорю о В.Жириновском, который всем нужен – и правым, и левым, и

Президенту, и избирателю как громоотвод, как некий аккумулятор негативной энергии.

Здесь встает существенный вопрос: понимание демократии в России резко отличается от понимания ее на Западе. Это не означает, что это плохо или неверно, но это факт. Исследования Института комплексных исследований РАН и Социологического центра РАГС фиксируют такие вещи, как приоритетность экономических, социальных, правовых проблем. В последнее время фиксируется необычайный интерес к происходящему в судебно-правовой сфере. Это не потому, что кто-то искусственно подогревает интерес, нет. На первое место среди проблем демократии опрошенные выдвигают проблемы (ссылаюсь на исследования Института комплексных социальных исследований) равенства всех перед законом плюс независимость судебной власти. В аналогичных исследованиях РАГС это тоже фиксировалось. Народ вовсе неравнодушен к проблемам демократии, устройства власти. Сейчас, видимо, наступил какой-то консервативный момент. Консервативное сознание в обществе сегодня доминирует, надо многое утрясти и расставить на свои места, залатать массу прорех, которые накопились за прошедшее десятилетие, это были масштабные прорехи. Вот и возникает общее консервативное настроение. Надо утрясать институциональные недоделки, и не в области партийного строительства, это само собой решится както, а в области нормального гражданского общества.

Лапаева В.В.

Кто же эти интересы представляет во власти, как не партия? Если партии не будет, то эти интересы будут сами по себе, а власть сама по себе.

Платковский В.В.

Вы представляете, сколько партий сменилось за это время? Масса. Партии возникнут.

Чернышова Л.Д., *зам. зав. кафедрой социологии РАГС, доктор социологических наук, профессор*

Научные позиции по поводу политического строя в России отличаются многовекторностью. Однако в этом многообразии проявляются две относительно «полярные» методологии. С од-

ной стороны, российское общество рассматривается как паразитический криминальный капитализм, сочетание остатков тоталитаризма со спекулятивно-мафиозными зачатками капитализма. С другой стороны, существует деспецификация происходящего как форма теоретического самоуспокоения. Социальные изломы изображаются как заурядные явления, свойственные любым трансформирующимся обществам.

Представляется, однако, что более эффективен «уравновешенный» подход, основанный на реальном анализе процессов в стране. Это позволит не выделять частности, а сконцентрировать внимание на ключевых фактологических и оценочных характеристиках этих процессов и связанных с ними изменений, выделить конкретные слои и группы, которые своим отношением и действиями целенаправленно или ситуативно формируют новые отношения в стране.

Результаты исследований, проводимых Социологическим центром РАГС, показывают, что отношение населения к власти диктуется практическими результатами реформирования экономики и социальной сферы. Эти оценки «фильтруются» через реальные и желаемые жизненные стандарты – как «свои», так и общества в целом. Главные из них – качество и уровень жизни, личная и семейная безопасность, здоровье, достойный отдых, социальный престиж, защита личности в своем государстве. Эти субъективные оценки отражают общественную потребность в упорядочении сферы государственной власти, системы управления страной.

В массовом сознании устойчиво убеждение в том, что выход из кризиса общества заключается в преодолении кризиса власти. Дееспособность власти отмечают не более 40% респондентов. О распространенности недоверия значительной части населения к властным структурам свидетельствует своеобразный «разлом» социума по «линии» самоотчуждения от государства, выражаемого электоральной позицией относительно политической элиты и конкретных политических лидеров.

Результаты социологических исследований позволяют выделить базовую основу социально-политического самочувствия – восприятие государства с точки зрения режима власти.

Если в 1998 г. 2,2% респондентов считали российское общество демократичным, то в 2004 г. так считали 10,9%. Однако эта

пусть не значительная, но все-таки положительная оценочная динамика поглощается ростом других определений довольно «жестких» оценок. О том, что это есть режим административного аппарата и чиновничества, в 2004 г. заявили 22,4% против 13,5% в 1998 г. При этом полную неразбериху в руководстве страной отметили 31,4% респондентов, а 22,4% опрошенных не сумели определить ситуацию с политическим управлением. В 1998 г. таковых было 10,8%. В качестве показателей неблагоприятной ситуации респонденты устойчиво выделяют: стагнацию сложного экономического положения (около 50%), социальной сферы (более 60%), отсутствие механизма защиты интересов граждан России.

Главными причинами кризиса в стране люди считают коррупцию на всех уровнях и структурах власти; разворовывание государственной собственности и бюджета; дистанцированность власти от народа.

Укрепление российской государственности связывается в основном с именем Президента. Однако при доминировании положительного отношения к В.Путину менее половины респондентов (43,4%) отмечают, что он защищает интересы «народа в целом», 18% – интересы своего ближайшего окружения, 27,2% – интересы богатых людей и чиновников. И только 4,6% связали его политику с интересами бедных людей и работников наемного труда. 24,7% респондентов не смогли определить своего отношения.

Еще более критично высказались опрошенные и по поводу защиты интересов «простых» людей государственной властью.

Эти оценки – следствие «сплава» разных причин, от «маятникового» характера политического информирования до протестно-демонстрационного отношения к политической жизни, обусловленного игнорированием элитой реальных потребностей людей.

Доминирует стереотип: власть отделена от народа, последний пассивен поневоле, их отношения весьма далеки от взаимовыгодного сотрудничества. С этим связано и отношение людей к распределению политической ответственности. Здесь интересным представляется сопоставление результатов социологических исследований по программам «Социально-политические основы укрепления российской государственности» и «Историческая память». В них просматривается ощущение необходимости укрепления обороноспособности страны, повышение ее престижа,

уровня гражданственности и патриотизма населения. Локализация и иерархия носителей политической ответственности, по мнению респондентов, выглядит так: Президент, федеральное правительство, региональная власть, депутаты, профсоюзы, политические партии.

Невысокие оценки способности современных политических партий нести ответственность за характер общественных трансформаций обусловлены как незнанием их программ, так и восприятием партий как дестабилизаторов ситуации в стране. При этом обнаруживает себя феномен ложной идентификации, когда в ходе избирательных кампаний люди поддерживают те или иные политические блоки, партии, но не в состоянии понять, соответствуют ли они их жизненным устремлениям.

Результаты социологических исследований фиксируют увеличение «индекса неопределенности», серьезные проблемы в осмыслении людьми происходящих явлений и процессов, определении своего места в них.

Охлопков В.Е., *докторант кафедры социологии РАГС, Республика Саха (Якутия)*

Я позволю себе не согласиться с тезисом, что в стране происходит монополизация политической власти. С одной стороны, развивается традиционная партия – КПРФ, ее организационная структура. С другой – мы видим слабую организационную базу новых партий, в том числе и правых. Я – представитель Якутии. В этом регионе СПС заняла второе место на выборах. А в моем родном Исолданском районе она вообще заняла первое место. Я провел небольшой независимый анализ во время моей командировки. Оказалось, что многие, в том числе коммунисты, голосовали за СПС. В чем дело? В том, что глава СПС в Якутии Аммосов был земляком главы коммунистической ячейки в моем селе. Последняя и проголосовала за СПС. То есть партийная принадлежность здесь не играла определяющей роли, решающим оказалось землячество. Голосовали за земляка и, соответственно, он победил, а партийная дисциплина играла здесь уже меньшую роль.

Бойков В.Э.

Здесь было высказано много интересных идей, которые действительно надо развивать в статьях. Казалось бы, очевидно, что

все время воспроизводится социальная база КПРФ за счет бедности, увеличения или сохранения большого количества социальных аутсайдеров, и в то же время здесь была высказана верная мысль, что партия социальных аутсайдеров не может выражать интересы всего общества. Это достаточно любопытные вещи.

Мы говорили о почти тотальном социальном, политическом, социально-психологическом отчуждении населения от государства, государственной политики. И вместе с тем единственный институт, на который рассчитывают люди, – это государство. Люди не верят ни в партии, ни во что, они ждут от государства, а оно у нас, по выражению Т.И.Заславской, «сильное бессильное государство». С одной стороны, государство может в один момент «скрутить голову» кому угодно, создать любой Совет Федерации и т. д. с помощью чиновных манипуляций, а, с другой стороны, бессильно решить какие-то проблемы, связанные с бытом, образованием, здравоохранением, т. е. тем, что касается базовых потребностей и интересов населения.

Большое спасибо всем за работу.